

"Аполлонъ", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Мы такъ созданы, или сами себя такъ устроили, что при чтеніи современнаго автора невольно и болѣзненно ищемъ его родственной связи съ предшественниками. Съ его дѣдами, отцами и братьями. При имени А. М. Ремизова намъ вспоминаются Гоголь, Достоевскій, Пшибышевскій. Изъ неславянскихъ родичей никого не найдемъ. Тотъ же острый, расколотый и мятущийся духъ, какая-то истерическая неуравновѣшенность, тяжелая атмосфера,-- воздухъ, который "лопатою не промѣсишь", тѣ же экстренныя положенія, нечуждая мелодрама, тотъ же изломанный синтаксисъ -- явно роднятъ этихъ столь "непохожихъ" писателей. И даже когда, связанный заимствованнымъ содержаніемъ, Ремизовъ дѣлается болѣе устроеннымъ, яснымъ и планомѣрнымъ, и тогда его причудливое и необузданное воображеніе разрываетъ подсказанную стройность формы. Будто сознавая опасность перевѣса нѣкоторыхъ чертъ своего дарованія, онъ упорно и серьезно работаетъ надъ своими писаніями, и если "Чортикъ" (Черт. Логъ) болѣе цѣленъ, чѣмъ "Прудъ", то въ этомъ отношеніи разказъ "Жертва" намъ кажется шагомъ впередъ по сравненію съ "Чортикомъ". Авторъ раздѣлилъ свои разказы на отдѣлы, изъ которыхъ наиболѣе интересны первый и пятый ("Бѣсовское дѣйство"). Многимъ разказамъ вредятъ рапсодичность ("Мака", "По этапу"), извѣстный романтизмъ, фальшиво звучащій ("Занофа" конецъ "Жертвы" лучшей вещи въ сборникѣ), но вездѣ видно выпуклое и яркое живописаніе быта, природы и типовъ. "Сказочки" слишкомъ незначительны и похожи на остатки отъ "Посолони", мѣсто имъ -- развѣ въ посмертномъ изданіи сочиненій. Отдѣльно стоящая "Бѣдовая доля", мѣстами поражающая яркостью красокъ, чаще напоминаетъ не "парки бабье лепетанье", а просто бессмысленное бормотанье старухи, нѣсколько выжившей изъ ума. Интересно задуманный опытъ драматической вещи "Бѣсовское дѣйство" не совсѣмъ удался, благодаря излишней модернизации адскихъ обитателей, что роднитъ это "дѣйство" съ "обозрѣніями" и фельетонами. Два слова о неологизмахъ и о синтаксисѣ Ремизова. Передавая повѣствованія почти всегда языкомъ воображаемаго разказчика, Ремизовъ сохраняетъ за собою обширное поле для всевозможныхъ летучихъ оборотовъ и областныхъ словечекъ, но иногда не соблюдаетъ ни мѣры, ни вкуса въ пользованіи своею сокровищницей, будто въ одномъ мѣстѣ заговорили на всѣхъ говорахъ одновременно. Притомъ неологизмы вродѣ "зель", "плануть" и др. -- едва ли удачны. Синтаксисъ же часто напоминаетъ извѣстное письмо "Мѣщанина въ Дворянствѣ" Мольера, но все же онъ какъ будто яснѣе, проще синтаксиса предыдущихъ книгъ. И вся эта работа, при наличности еще не законченнаго, но углубленнаго и широкаго таланта, при яркомъ и трепетномъ (иногда слишкомъ трепетномъ) воспріятіи жизни, даетъ намъ радостное обѣщаніе -- показать широкую картину современной Россіи. А. Ремизовъ далъ эту поруку, и мы надѣемся, что "Недобитый Соловей" будетъ, если не достиженіемъ, то высокой ступенію къ нему.

М. Кузминъ.